

Межэтнические конфликты в армии и оценка опыта службы в опросах демобилизовавшихся солдат и офицеров

С.В. МОХОВ, С.П. ПРОСТАКОВ

Армия является «плавильным котлом» для населения полиэтнических государств. Сейчас в России она такой функцией не обладает: о проблеме «дедовщины», о конфликтах на этнической почве в армии говорят постоянно и много, однако по большей части на основе слухов или личного опыта. Армия остается едва ли не самым слабо изученным институтом в современной России, а об анализе ее национально интегративной функции пока и вовсе не идет речи. Современная воинская служба не пользуется престижем среди призывников и солдат срочной службы – они рассматривают ее как вынужденную обязанность. Основой для солдатской солидарности представляются не патриотизм, верность родине и другие факторы консолидации, а региональные землячества и этнические сообщества. Особое значение имеет желание отслужить «без проблем». Этнические землячества, среди которых особо выделяется кавказское, играют противоречивую роль: они считаются источником агрессии и конфликтов. Проблему этнических конфликтов в армии невозможно урегулировать без решения подобных проблем в масштабах всего российского государства. Предварительные выводы исследования говорят о том, что современная армия просто не может консолидировать призывников по причине постоянного воспроизведения этнической дифференциации в повседневных практиках, однако она обладает определенным интегративным потенциалом благодаря возникающей идее «общего дела».

Ключевые слова: армия, национальная консолидация, землячества, призыв, кавказцы, этнические конфликты, срочная служба

Военная служба есть форма национального начального образования.

Д.А. Милютин,
военный министр Российской империи 1861–1881 гг.

В сентябре 2009 г. была опубликована статья ныне бывшего президента России Д.А. Медведева «Россия, вперед!», в которой провозглашался курс на всесторон-

ную модернизацию страны; в ней были названы ключевые направления этого процесса, заключающиеся, главным образом, в создании и развитии современных высокотехнологических производств. В статье упоминалось и об армии: «И, само собой разумеется, Россия будет хорошо вооружена. Достаточно, чтобы никому не пришлось в голову угрожать нам и нашим союзникам» [Медведев 2009]. По крайней мере, на момент появления указанной статьи в Администрации президента публично признавалось, что институт российской армии нуждается **только в технологической модернизации**, а советское наследие в виде массового призыва и неформальных армейских практик не станет тормозом на пути инноваций в вооруженных силах.

Тем не менее вряд ли найдется кто-либо в современном российском обществе, кого устраивает положение дел в армии: армейские проблемы и раньше часто попадали на первые полосы СМИ, а после отставки Сердюкова и серии разоблачений эта тема заняла первые строчки рейтингов популярности. За последние двадцать два года, прошедшие с момента распада СССР, армия вместе со всей страной преодолела трудный путь трансформаций, однако, возможно, осталась одним из немногих институтов, которым удалось в максимальной мере сохранить советские структуру и практики. За это время вооруженные силы стали участниками государственных переворотов, конфликтов на чужой и собственной территориях; по социально-экономическому положению военных, как и всех бюджетников страны, наиболее болезненно ударили экономические реформы начала 1990-х гг. Ко всему выше сказанному можно добавить, что престиж срочной службы, за которую так держится российский генералитет, продолжает оставаться на низком уровне [Шейко 2011; Армия // Левада-Центр].

Одной из наиболее острых проблем, с которыми столкнулись государство и общество за последние два десятилетия, стал **поиск национальной идеи и обретения себя как единой нации**, что жизненно необходимо для полиэтнической и многоконфессиональной России. Данный процесс не мог не отразиться и на российской армии, которая принимала участие в чеченских войнах и в других локальных конфликтах на постсоветском пространстве. Между тем предполагается, что для армии, комплектуемой на призывной основе, задачи интеграции солдат в некое единое сообщество являются одной из важнейших задач – данный фактор может сильно сказываться на боеспособности. В обществе распространено мнение, что в российской армии господствуют неуставные отношения, так называемая «дедовщина», которая часто основывается на этническом принципе. Считается, что основная черта размежевания проходит между русскими и северокавказскими призывниками [Армию перераспределят... 2012]. В таких условиях армия является не индикатором суверенитета, а дублирующим институтом тюрьмы.

В связи с этим возникает задача изучения роли армии в процессе консолидации общества современной России, так как значение института, в котором в идеале должны пройти службу все здоровые молодые люди, в этих процессах не может не учитываться. Консолидация европейских обществ в национальные государства в XVIII–XIX вв., вызвало к жизни институт национальной армии, который стал эффективным инструментом по переплавке локальных сообществ в единую

нацию [Тилли 2009]. Также армия, история ее военных побед и подвигов стала значимым мифом для любого национального сознания. Таким образом, встает очевидный вопрос: если национальная армия является инструментом консолидации, то насколько она справляется с данной задачей в современной России?

Армия как инструмент nation-building

Армии в современном понимании слова как совокупности регулярных воинских подразделений, связанные единым командованием и призванные вести вооруженные действия по приказу государства, стали появляться в раннее Новое время в Европе, которая на тот момент из раздробленного средневекового пространства стала превращаться в систему крупных суверенных государств, которые в связи с ростом экономической и политической экспансии соседей, а также происходивших в это время религиозных войн, были вынуждены перейти от нерегулярных феодальных войск к большим государственным армиям.

В XVII–XVIII вв. армии комплектовались из профессиональных военных, и только во времена Великой Французской революции появляется институт «всеобщей мобилизации», сделавший армии европейских государств национальными. Революция, провозгласила своими принципами «свободу, равенство и братство», а носителем суверенитета объявила народ (нацию). И связано это было с необходимостью защиты своих политических и социальных завоеваний от европейских монархий. Национальная гвардия Великой Французской революции, трансформировавшись в армию Наполеона, стала первой современной национальной армией в мире; армия из защитника монарха превратилась в защитника нации. При этом любые действия вооруженных сил стали трактоваться как выражение воли всей нации, поскольку вооруженные силы стали частью национального тела. При этом сама служба в армии стала, по крайней мере, трактоваться в сакральных категориях священного долга, а не тяжелой повинности или необходимости, как это было в донациональных армиях. Эффективный французский опыт скоро стал распространяться по всей Европе, а затем и по всему миру. Б. Андерсон в своей книге «Воображаемые сообщества» приводит пример Пруссии: «Если армия Фридриха Великого (правившего в 1740–1786 гг.) была плотно укомплектована «чужеземцами», то армия его внучатого племянника Фридриха Вильгельма III (правившего в 1797–1840 гг.) была благодаря впечатляющим реформам Шарнхорста, Гнейзенау и Клаузевица уже исключительно «национально-прусской» [Андерсон 2001]. Можно утверждать, что армия превратилась в один из важнейших институтов, утверждавших себя как нации.

Особую роль играл и факт того, что армии стали комплектоваться на призывной основе, и в одном подразделении оказывались люди из разных уголков страны, связанные часто лишь общим гражданством. Армии становились местом, где для многих людей, призванных на воинскую службу, границы впервые расширялись за пределы родной местности, деревни, города. При еще относительно неразвитых коммуникациях именно армия многим позволяла ближе познакомиться со

своей страной и расширить представления о ней. У солдат гораздо быстрее, чем у многих других людей, развивалось чувство национального единства, чувство принадлежности к стране, а не к местности, из которой они были родом. Этому способствовал тот факт, что во многих европейских армиях солдаты, набравшиеся в основном из крестьян, впервые получали образование на формирующихся национальных языках. Служба становилась значимым социальным лифтом, особенно в отстающих аграрных странах, например, в России, где армия представлялась едва ли не единственной реальной возможностью освободиться от крепостной зависимости. Английский историк Д. Хоскинг так описывает этот процесс в армии Российской империи: «Служба в армии при всех тяготах и лишениях оставалась единственной сферой, где крепостные могли, наконец, почувствовать себя гражданами, членами некоей национальной общности, ощутить гордость и достоинство. Кроме того, призываясь на военную службу, они автоматически выходили из крепостного состояния (по этой причине многие потом не хотели возвращаться в родную деревню)» [Хоскинг 2001]. Все это превращало армию в национальных государствах Модерна в важный и мощный институт по интеграции общества.

Между тем, если армия являлась порождением и важным институтом Модерна, с ней неизбежно должны были произойти изменения с наступлением Постмодерна и трансформацией национальных государств [Эйзенштадт 2012]. Эти изменения не происходят стремительно, а накапливаются в течение всего времени становления национальных государств и их армий. Развитие промышленности и средств коммуникации, распространение образования и норм национального языка постепенно нивелируют все преимущества армии как института национальной интеграции. Служба в армии все больше стала напоминать старую воинскую повинность, а не священный долг. Гуманизация и демилитаризация европейских обществ в результате мировых войн снижало престижность и авторитет воинской службы. Появление ядерного оружия и угроза атомного апокалипсиса заставили большинство интеллектуальных элит развитых стран отвернуться от генералитетов своих национальных армий. Любой локальный конфликт в ходе холодной войны вызывал недовольство не только в международном сообществе, но и в странах, которые в нем участвовали. Показательны примеры сожженных повесток у Белого дома в Вашингтоне во время вьетнамской войны; массовое падение престижа службы в армии в Советском Союзе во время афганских событий. При этом повывисившаяся технологичность вооружений заставили многие государства сделать акцент на создании профессиональной армии, удаляя краеугольный камень национальных армий – всеобщую воинскую обязанность, благодаря чему в развитых странах кардинально снизилось число военнослужащих. Все большее количество людей находит друг друга на пространствах интернета и консолидируется между собой на принципах далеких от принципов национального государства. Глобализация ставит под сомнение национальный суверенитет, тем самым размывая задачи существования национальной армии. Современные армии национальных государств, особенно европейских, все больше становятся подразделениями «больших армий» военных блоков и межгосударственных союзов. Это прекрасно продемонстрировали события последнего десятилетия в Афганистане, Ираке, и самый последний пример, в Ливии. При этом нельзя не отметить, что ситуации с выводом

из Ирака испанских и итальянских частей демонстрируют нам, что государства еще не готовы расстаться с концепцией национальной армии, сражающейся за национальные интересы. Тем не менее очевидно, что с трансформацией института национального государства будет изменяться и институт национальной армии.

Таким образом, армия, являясь важнейшим инструментом nation-building в самом начале становления европейских наций, выполняла важные педагогические функции, объясняя, как и почему «устроено государство», и почему оно нуждается в защите. В той или иной степени армия консолидировала разные социальные и этнические группы вокруг идеи национального государства, выполняла также и важные мифотворческие функции. В современном мире армия продолжает играть заметную, но противоречивую роль в процессе консолидации, что видно на примере израильской армии и армий постсоветских государств.

Россия, перед которой сейчас стоит задача национальной консолидации и предотвращения угрозы распада страны, нуждается в адекватных и современных инструментах решения этих проблем. Если институт национального государства в его классическом виде трансформируется, может ли национальная армия служить эффективным инструментом консолидации? Для ответа на этот вопрос необходимо понять, что же происходит с массовой российской армией сегодня.

Методология исследования

Выше обозначенный вопрос лежит, скорее, в поле количественных исследований, с помощью которых можно было бы структурно рассмотреть всю специфику взаимоотношений государства и граждан в такой принципиальной сфере как всеобщая воинская повинность. Ведь именно внешне строгая регламентированность действий, четкое следование букве закона в армии толкает исследовать ее, прежде всего, как институт в правовом и отчасти нормативном его понимании.

Так, к примеру, количественные исследования по данной теме позволяют сделать выводы об уровне конфликтности в армии, увидеть призывную карту по регионам и выявить этническое распределение по частям и родам войск. Но они не позволяют рассмотреть систему функционирования приписываемых норм и правил изнутри. Как та же этническая карта распределения оказывает влияние на службу других призывников? Ведет ли это к появлению землячеств, и как эти землячества проявляют себя в критических ситуациях, используя свои мобилизационные ресурсы?

Однако высокий уровень коррупции и кумовства, распространенный в обществе и в армии, усложняет объективность количественных исследований и уводит исследователя из области строгого анализа юридических документов в область реально сложившихся неформальных практик.

Поэтому, чтобы полноценно изучить проблему эффективности консолидации, необходимо понять не только институциональные (в правовом понимании) проблемы армии, но и рассмотреть проблему «снизу», определив те нарративы, при рассказе об опыте службы в армии. При этом необходимо понять, какие практики возможно зафиксировать, не включаясь в этнографическое наблюдение, а исполь-

зую только описательный язык собственного опыта службы солдат и офицеров. То есть то, как и какими категориями отслужившие молодые люди оценивают свой армейский опыт, с какими проблемами они сталкиваются в ходе службы, на чем акцентируют внимание. «Остаточное знание» о собственном армейском опыте формирует публичный дискурс об армии и позволяет вычлениить бытовые проблемы коммуникации.

Именно поэтому в основу нашего исследования лег следующий исследовательский вопрос: *как описывают свой опыт службы и контакты с другими сослуживцами бывшие военнослужащие?*

Такого рода феноменологические изыскания также позволяют, прежде всего, очертить проблемное поле, выделить и уточнить используемые категории, выявить теоретические рамки, используя тот описательный язык, дискурс, который используется при рефлексии опыта службы бывшими служащими и офицерами.

Для ответа на этот вопрос нами было проведено полевое исследование, в ходе которого были проинтервьюированы 24 чел. В число респондентов вошли люди, проходившие в последние 7 лет службу в рядах российской армии, а также часть (7 чел.) офицерского и сержантского состава, продолжающие нести службу на момент проведения исследования. Количество респондентов обусловлено прекращением поступления новой информации.

Методом исследования было выбрано полустандартизированное интервью; время одного опроса составляло около 40 минут; интервью проходили на условиях анонимности и записывались на бумажный носитель по просьбе респондентов¹.

Интервьюируемым предлагалось высказать свое мнение по нескольким ключевым моментам:

- оценить собственный опыт службы;
- рассказать о возникавших проблемах во время службы;
- об изменениях в жизни после службы;
- высказаться об отношениях с сослуживцами и о неуставных отношениях;
- рассказать о занятиях с политруками;
- также респондентов просили рассказать об их отношении к армии, ее роли в современной России.

Что дала армия? Оценка службы²

Большинство респондентов описывают свой опыт срочной воинской службы с положительной коннотацией. Они отмечают, что, несмотря на возникавшие трудности, армия является необходимым этапом жизни для каждого мужчины: армия в глазах интервьюируемых способна сделать «из мальчика мужчину», став важной частью его жизни:

¹ Место проведения интервью – Курск и Курская область, лето 2011 г. Такой выбор был обусловлен доступностью для получения максимально объективной информации.

² Для полной объективности в приведенных ответах сохранены стилистика и лексика респондентов.

«Армия мне многое что дала. Я взрослее, что ли, стал, умнее. До этого не был способен отвечать за свои поступки, как-то бездумно относился, что ли. Я видел, как приходили дурачками туда, и потом после залетов уже начинали мозгами хоть немного думать»;

« – Я не жалею, что пошел в армию, отслужить всем надо, наверное. На гражданке сразу видно, кто служил, а кто нет.

– Каким образом? Поясните.

– Ну не знаю, так сложно сказать. Как-то за словами, что ли, следить начинаешь»;

«Ты начинаешь отвечать за свои поступки и понимать, что никто тебе не поможет и не ответит за тебя»;

«Перед батей теперь нестыдно. Он видит, что я вернулся оттуда другой. Раньше шkodистый был, хулиганил, приводы в милицию были. А теперь вроде как взрослый, отслужил».

Таким образом, армия во много задает дальнейшую модель поведения, требуя от бывшего солдата рассудительности, взвешенности при принятии решений. Более того, армия является неким переломным моментом в жизни, в ходе которого происходит преобразование юноши в мужчину и поэтому новоинициированному требуется соответствовать тому ожиданию, которое ему предъявляет общество, в том числе и семья. Однако необходимо отметить, что на более детальные вопросы о личных изменениях не высказывалось иных замечаний, кроме как о приобретенной ответственности.

Помимо этого, оценка современной армии входит в противоречие с оценкой собственного армейского опыта:

«В армии год делать нечего, а как два года до этого там служили, вообще не понимаю»;

«В армии ты теряешь год своей жизни, от безделья голова съезжает. И устав этот тупой абсолютно»;

«Лучше бы учиться пошел, в город уехал работать. А то целый год жизни потерял».

Таким образом, наблюдается попытка рационализации и положительной рефлексии своего армейского прошлого – «армия – это плохо, но я не жалею, что сходил». Очевидно, что данное противоречие во мнениях респондентов появляется из-за желания оправдать перед собой и перед окружающими факт «своей службы». Это можно объяснить низким престижем срочной воинской службы в обществе и отсутствием дальнейшей пользы от нее:

«Что изменилось после армии? Да, ничего. В институт я не пойду – работать надо. Охранником только могу устроиться – это плюс. И отстали наконец-то от меня уже с армией. Да и батя не нудит, а то раньше все в уши прожужжал, что, мол, надо в армию сходить. Ну сходил и чё?»;

«Да, всем все равно, служил ты или нет. Только пацанам, которые раньше дембельнулись – нет. Им, типа, обидно, что они служили, а ты – нет. Это, типа, как испытание, через которое все должны пройти. А на деле просто обида, что сами там гнили, а ты, типа, отлыниваешь»;

«Теперь уже понимаю. Сходил и забыл. Все-таки тут другая жизнь и вся «шляпа», что там была, уже не пригодится».

«Продержаться год»: о целях службы

Как же проходит служба в современной российской армии? Мало кем из респондентов армия на момент их призыва воспринималась с позитивными эмоциями: для большинства армия являлась испытанием, которое они из-за сложившихся обстоятельств должны были пройти. Течение службы формально и неформально не является однородным и имеет строгую иерархию, при этом нельзя сказать точно: устав или неформальные правила играют большую роль. Чаще всего они перемешиваются, и в каждом отдельном случае приобретают свою специфическую конфигурацию.

Между тем всем приходится проходить через одни и те же ступени социализации в армии, и в самом начале – это «курс молодого бойца», характеризующийся значимостью региональных землячеств. Большинство респондентов указывают на то, что приезжали в воинские части в составе команды около 20–30 чел., набранной из земляков; данное сообщество как некое единство сохранялось в течение всего периода прохождения «курса молодого бойца». Однако после так называемого «попадания в часть» оно чаще всего полностью размежевалось и исчезало:

«Ну, на службу нас отправили 25 декабря, человек нас было двадцать пять. Прибыли мы в часть. Было смешно и страшно. А потом был КМБ. Ну, там мы все вместе еще были. Общались постоянно, поддерживали друг друга. Потом нас уже раскидали по части. Уже так плотно с курянами общаться не получалось»;

«Ну, когда КМБ, ты находишься в изоляции. Вас 180 человек, и четыре сержанта-контрактника, которые вас дрессируют. А потом ты в часть попадаешь, а там не четыре сержанта, а сорок «дедов», каждый из которых норовит за что-то тебя зацепить и что-нибудь тебе сказать. Очень неприятно. Ты постоянно под давлением. А на КМБ вас 180, и все ничего об армии не знают»;

«Мы на КМБ были все вместе. Помогали друг другу».

После так называемого «попадания в часть» землячество как значимый элемент в отношениях между сослуживцами перестает работать; на его место заступает призыв – армейская когорта в демографическом смысле слова.

«Когда мы с пацанами только в казарме оказались, мы решили, что будем друг друга поддерживать и не кидать. Если, кто на нашего бросится, то бросаться за него должны мы все вместе».

Респонденты отмечают, что легче всего в армии найти язык с людьми, с которыми вы призывались одновременно, даже если эти призывники из разных регионов.

«Я в части общался с ребятами из Брянска, Воронежа, Челябинска. Нормальные ребята были»;

«Ну, я общался с пацанами из Тамбова, Белгорода. Они с моего призыва были. Среди курян такие уроды были, что мама не горюй»;

«Я с татарами общался, из Волгограда парни были, из Перми. Нормальные парни, с моего призыва».

К тому же этому сильно способствуют правила иерархической армейской службы и субординация. В ходе исследования стало ясно, что у так называемого «призыва» формируются неформальные связи, в основе которых лежит общая задача

пережить срок службы. Именно эта идея является основой во все формальных и неформальных правилах игры между военнослужащими. Благодаря этому у военнослужащих-срочников приобретается солидарность, основанная на общем желании без проблем отбыть срок службы. Возникающая структура взаимодействия призвана максимально сгладить противоречия и трудности службы или свести их до минимума.

«Когда я шел служить, я ставил себе цель – прослужить этот год. Выдержать его, а как и с кем, было все равно, потом же никого, скорей всего, не увижу»;

«Я думал, что смогу ли год нормально отслужить, без проблем»;

«Год хотелось быстрее отслужить и вернуться. Главное, чтоб время шло быстрее и без проблем».

При этом стоит отметить, что большинство респондентов никак не поддерживает в настоящее время отношения с бывшими сослуживцами, они не видят в этом потребности и какой-либо пользы для себя:

«Да я ни с кем и не общаюсь, зачем это нужно? Послужили и все. Да и живут многие пацаны далеко»;

«По инету спишемся иногда – чё там, как вообще, живы здоровы и все. Бывает поздравлю кого-то и все»;

«Тут есть в Курске парни, что со мной служили. Иногда вижу в городе. Здороваемся. Ну, так чтоб общаться, нет. У всех свои дела какие-то там»;

«У одного моего знакомого из части, что со мной служил, отец – милиционер, подполковник. К нему как-то раз обращался. Но все равно, как-то неудобно».

Таким образом, армия и возникшие в ней социальные связи носят временный характер, которые практически не перекладываются на жизнь после армии. Это подтверждает и тезис об «общем деле» и возникающей армейской солидарности на базе идеи «пережить этот год без проблем».

Еще одним подтверждающим фактом данного вывода является отношение бывших военнослужащих к дембельским альбомам, проводам из армии, некоторым коммеморативным практикам:

«Конечно, делали альбом. Там фотки прикольные клеили из армии, чё было. Родным покажу. Что не ерундой занимался, а вот, армия там»;

«У нас была такая традиция: перед дембелем покупаешь ребятам пельмени, ну еду какую-нибудь. Им еще служить, тянуть ляжку, так пусть хоть о тебе приятное впечатление останется, что не жлоб. Да и поедят хоть»;

«Да мне этот альбом не нужен. Только семье показать и все. Ну, память там. Я вот как дембельнулся, так его и не открывал. Что мне еще слезы пускать что ль, глядя на него?».

Этническая и региональная дифференциация

Между тем, несмотря на то, что фиксируется не самая высокая роль землячества, ситуация изменяется, когда речь заходит о представителях этнических регионов и Москвы. Жители Москвы, как показали рассказы некоторых респондентов, склонны

к обособлению от остальных. Однако оно постепенно исчезает в ходе прохождения службы, так как необходимость «пережить этот год» вынуждает и москвичей отказаться от извечной столичной обособленности от остальной России.

«Ну, много у нас в части москвичей было, все вместе держались. Понтовались, что у них много денег, блата, особо с остальными не шли на контакт. Общались между собой. Мы их не трогали, они нас»;

«Да жители столицы, даже с нашего призыва, не общались с нами в роте, а вот с кавказцами легко пошли на общение. У них там свои общие дела были»;

«Да конечно, по началу, много блатовались, потом уже легче стало. Тоже ровные парни там есть. Время всех объединяет».

Тем не менее ситуация с представителями этнических меньшинств выглядит несколько иным образом, чем с представителями русского большинства, и внимание, главным образом, концентрируется на кавказцах. В ассоциативном ряде респондентов на вопрос о сослуживцах из других регионов моментально возникают образы призывников из кавказских регионов.

«Я кавказцев ненавижу. Постоянно на своем там что-то бормочут, как галки орут, делают что-то»;

« – Кавказцы – самые поганые. Подставить могут, слабых бьют, могут отнять что-то, на деньги поставит. Мне один сказал, что найдет и убьет меня после армии.

– А Вы ему что ответили?

– Я ему сказал, что сам его тут раньше убью».

Наше исследование показало, что к представителям Северного Кавказа наблюдается выраженное негативное отношение, в котором значительную роль играет чувство страха. Однако при вопросе, чем же так плохи их северокавказские сослуживцы, самым частым ответом была мысль о том, что они занимаются самоуправством и устанавливают свои правила игры. В интервью отмечалось, что кавказцы в отличие от русских более сплоченные между собой, в их среде меньше тех, кто предаст или подставит. Опрошенные заявляли, что «кавказцы не хотят быть как все, всегда отличаются чем-то».

«Кавказцы всегда вместе, за это их можно уважать. Они никогда своего не кинут. Был случай у нас в части, что одного молодого с Кавказа тронули, так со всего полка прибежали, и вроде как даже из других частей примчались»;

«Я ребят с Кавказа уважаю. Не, они звери, конечно, но все вместе держатся. Среди русских – уродов больше, поэтому ты за свою спину никогда не можешь быть уверен»;

«Кавказцы всегда и все трут между собой. Никого просто так не подпускают. А русским все равно с кем общаться, неохота как-то организовываться».

Таким образом, повышенный коллективизм у выходцев с Кавказа вызывает тревогу у русского большинства в армии, которое чувствует себя разобщенным, не способным к организации. Тем не менее кавказцы респондентам не представляются чем-то монолитным: их делят, прежде всего, по этническому принципу, выделяя чеченцев, ингушей, дагестанцев, осетин.

«Ну, дагестанцы там были, чеченцы, еще кто-то с гор. Фиг их поймешь»;

«Да, они там разные все были, но держались все вместе»;

«Чеченцы, ингуши, осетины. Разные были. Но все вместе были, и своих с нашего призыва под свое крыло взяли»;

«Да им лишь бы подраться и поваяснять, кто сильнее – сначала с русским подерутся, потом между собой».

При этом большинство респондентов указали, что среди кавказцев наиболее сильно выделяются дагестанцы.

«Да, у меня в части много кавказцев было, даже большинство. Хуже всех дагестанцы были, а чеченцы – лучшие. Я и с моего призыва и с другого с чеченцами общался. Но с дагестанцами – никогда. Они самые жесткие и дерзкие были»;

«Ну что про кавказцев сказать? Не знаю. Дагестанцы были хуже всех. Дерзили постоянно, но держались в стороне»;

«Дагестанцы были с нами в призыве, ингуши. Но про ингушей ничего сказать не могу, а вот дагестанцы были дерзкие – хамили и огрызались».

Выделение жителей Дагестана из других военнослужащих-кавказцев привлекло наше внимание, поэтому были заданы дополнительные вопросы, которые выявили следующее положение дел: дагестанцы в целом не скрывают особую важность службы в вооруженных силах РФ, так как наличие военного билета позволяет им найти работу в федеральных силовых ведомствах. Это крайне важно для бедного, но густонаселенного Дагестана. Также попадались ответы о том, что для молодых людей-дагестанцев крайне важен факт овладения военным ремеслом, поскольку в противном случае им придется получать этот опыт в горах, участвуя в незаконных бандформированиях.

«Они, чтобы в армию пойти, платят деньги, дурачье. Иначе, придется идти в горы учиться быть мужиком. Хотя тут целый год ничего не делают»;

«Ну вот, что ты меня спрашиваешь: зачем они в армию идут? Ты же политолог. У них там работы нет. Они военный билет для работы в милиции зарабатывают. А во всем остальном, они такие же»;

«Один мне говорил, что у него был выбор пойти в горы воевать или в армию. Два брата уже воюют там против федералов».

Таким образом, делая промежуточные выводы, можно сказать, что кавказцы действительно представляют собой отдельное хорошо сплоченное сообщество в рядах российской армии в представлении русских срочников. При этом многие респонденты утверждают, что, несмотря на высокую сплоченность кавказцев между собой, они становятся значимой силой только при значительном численном преимуществе. Так, при анализе большинства интервью, выясняется факт того, что конфликты между русскими и кавказцами возникают, если кавказцев среди призыва насчитывается более десяти человек; в остальных случаях возникает так называемая коммуникация «по-нормальному»: например, респонденты, описывая отношения кавказцев к исламу, указывают, что религиозная составляющая имела значение только в самом начале службы:

«Молодых кавказцев человек десять пригнали. Они полы мыть не захотели со всеми вместе. У нас парни говорят им по-нормальному: «Мойте полы, мы здесь все одинаковые, нам всем этот год отбыть надо. Косячить никому не надо, и вам тоже». Начали мыть вместе со всеми»;

«В моем призыве были кавказцы. Сказали, что им Аллах не велит полы мыть. К ним дед-сержант подошел пообщаться по-нормальному. Потом с ними проблем совсем не возникало. И свинину вместе ели, и пили вместе»;

И если в описанных выше ситуациях кавказцы принимали общие для всех формальные и неформальные правила, призванные сгладить тяготы службы, то в условиях, когда количество кавказцев было значительно больше, респонденты описывали процесс ежедневной службы как постоянный источник трений и конфликтов с ними. В такой ситуации коллективизм кавказцев становился не просто инструментом адаптации, но и значимым силовым рычагом в неформальных армейских практиках:

«У нас в части было две бригады. В одной половина кавказцев. В другой – большинство с Кавказа. Они вообще беспредельщиками были. Всех под себя подминали. Лично видел, как офицера били, когда тот им замечание сделал. Всю работу на русских валяли. Посылки, деньги отбирали. Все Кораном оправдывают: им Аллах так разрешает, а так не разрешает».

Тем не менее респонденты, которые служили в разных частях с разным этническим составом, отмечали, что среди кавказцев были и «дерзкие» и «нормальные». Но ни те, ни другие особо не пытались идти самостоятельно на контакт, оставаясь в рамках кавказских землячеств. Между тем ситуация с кавказскими землячествами в армии достаточно сложна: одни респонденты говорили, о том, что все кавказцы держатся вместе, другие отмечали, что ингуши и осетины друг с другом не поддерживали коммуникацию, или же дагестанское землячество доминировало над всеми остальными.

В ходе интервью был выявлен интересный факт: многие офицеры предпочитают на сержантские и старшинские должности ставить жителей Кавказа. Респонденты объясняли это тем, что кавказцы более ответственные, склонны к поддержанию порядка, они могут и умеют заставить работать других. Из этого можно сделать вывод, что офицеры используют в целях поддержания необходимого порядка в армии как этнические размежевания, так и особенности поведения и роли кавказцев среди сослуживцев.

«Кавказцы – они ответственные, умеют выполнять приказы и других заставить их выполнять»;

«У меня в части одни дагестанцы были сержантами. Нормальными сержантами. Ну, то есть как все нормальные. За косяки накажет. Но лишний раз тоже не загрузит».

При этом в интервью отмечалось, что кавказцев не берут в спецназ, разведку и другие элитные рода войск, мотивируя это нежеланием обучать потенциально врага:

«А что, вот их сейчас научишь, а потом они наших пацанов резать будут, как в Чечне».

Таким образом, внутренняя коммуникация в глазах респондентов, проходивших срочную службу, имеет вполне простую и понятную структуру: «веди себя нормально и не важно, кто ты там и откуда». Однако такая стратегия социализации и консолидации может быть полностью нейтрализована, если иные, главным образом, региональные и этнические солидарности для военнослужащих

будут иметь преимущественное значение, и в случае конфликтов включаются «этнические» модели объяснения поведения: «он так делает, потому что черный».

При этом сложно представить, что «кавказская проблема» в армии будет преодолена вне решения тех вопросов, которые сейчас поднимаются вокруг дальнейшего развития Северо-Кавказского региона. Таким образом, современная российская армия не является инструментом национальной консолидации, напротив, во многом, именно ввиду ее закрытости становится не школой национального образования, а ареной социальных и этнических конфликтов, где в качестве рационализирующей модели используется этнический фактор. Происходит это за счет неэффективности в инструментальном управлении этнических сообществ.

Досуг и политруки

Досуг военнослужащих крайне ограничен и примитивен, и большинство военнослужащих отзываются о нем как о скучном времяпровождении:

«Да если денег срубил, то можно в увольнение сходить – купи себе отпуск, а там – кино, выпить можно»;

«Было такое, типа, после ужина время досуговое. Кино, какое-то убогое покажут, и все на этом»;

«Да ерунду патриотическую толкали: о войне и подвигах. Тошнило от этого».

В схожем эмоциональном ключе оценивается и занятия с политруками, ответственными за консолидацию коллектива, воспитание патриотизма и атмосферу солидарности и взаимовыручки:

«Дурачок у нас политрук был: пьяный вечно и тупой как валенок»;

«Скука и глупость. Про войну и героев по сто раз. И все как-то звучит фальшиво»;

«Политрук рассказывал о здоровом образе жизни, а сам курит и пьяный катается на машине».

Таким образом, можно свидетельствовать, что и досуг, и патриотическое воспитание находится на низком уровне, и «патриотическое воспитание» как институт в армии или в принципе отсутствует, или дискредитировало себя за счет низкого уровня образования и недостойного поведения самих политруков.

Вместо заключения

Как удалось выявить в ходе исследования, современная российская армия в рассказах демобилизовавшихся солдат – это не то место, где люди собираются отдать «долг Родине», где происходит возвращение патриотического духа и прививаются основные ценности, во главе которых стоят семья, народ, суверенность. Армия перестала быть атрибутом сильного государства, а превратилась в необходимую

школу жизни в судьбе каждого «простого парня без блата» – в армии все равны. И в этой школе жизни этнический фактор не играет никакой роли до тех пор, пока он не мешает «комфортно служить».

Описанный опыт взаимодействия с кавказцами ровно, как и с другими представителями различных этнических групп – это не проявление стереотипов, а вполне меркантильное нежелание «служить за других» и решать их проблемы. И даже указание на особую роль кавказских землячеств выглядит как чувство зависти – «они могут объединяться, чтобы решать проблемы и упрощать службу». При этом стоит отметить, что в представлении наших респондентов кавказцы более агрессивны, что и создает постоянные конфликты.

Следовательно, что этнический фактор играет определяющую роль при распределении неформальных властных отношений внутри солдатского коллектива. Когда одни сообщества пытаются доминировать над другими, этническая идентификация становится важным фактором консолидации.

Размежевание между русскими и жителями Кавказа не является в армии единственным «разъединяющим фактором»: респонденты неоднократно указывали, что негативные чувства во время службы у них вызывали представители других воинских частей или родов войск – с ними возникали постоянные конфликты и соперничество, например, во время отгулов; отдельную «нелюбовь» заслуживают «деды», «москвичи».

Военнослужащие вынуждены идти на контакт с разными людьми, из разных этнических групп, на основе общего интереса «пережить этот год». Но эта коммуникация – не объединяющая, не подкрепленная символизмом и сакральностью («мы все служим на благо нашей Родины»), как это должно быть, если армия хочет быть «школой национального образования», а это обязательный и неприятный момент «в жизни каждого парня», который «надо перетерпеть».

Сделанные выводы позволяют выдвинуть ряд предположений о том, как современная российская армия все же может стать «плавильным котлом» для будущей российской «гражданской нации»:

во-первых, армия должна обладать высоким уровнем «сакральности» и символизирует «служение Родине, защиту своей земли, своих очагов, семей». В настоящее время такого рода символизм отсутствует у всех категорий военнослужащих как мотивированных служить, так и немотивированных. Попытка сконструировать такую мотивацию усилиями офицеров по воспитательной работе не состоятельна во многих отношениях, в том числе и потому, что они не пользуются моральным авторитетом у солдат и офицеров.

во-вторых, даже сегодня в условиях, когда общая цель – это всего лишь простое выживание, эта целевая установка способна сплачивать представителей разных групп. При переходе же на контрактную армию мотивация общего дела может возрастать и приобретать более достойные человека очертания, учитывая, что во многих странах мира – армия это весьма престижная форма профессиональной деятельности. Существуют универсальные механизмы, повышающие мотивацию к эффективности такой деятельности, и как следствие – к консолидации армейских подразделений как орудия повышения эффективности. Прежде всего – это конкуренция за достойное место в армии. Однако в России

организация такой деятельности требует очень тщательного учета культурных особенностей, преимущественно при комплектации армейских частей солдатами из разных регионов, этнических групп и конфессий.

Литература

- Андерсон Б.* (2001) Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле (*Anderson B.* (2001) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* Moscow: KANON-press-C, Kuchkovo pole).
- Армию перераспределят по национальному признаку (2011) // Newsland.ru // <http://www.newsland.ru/news/detail/id/573228/> (Army Redistribute by Nationality (2011) // Newsland.ru // <http://www.newsland.ru/news/detail/id/573228/>).
- Армия // Левада-Центр // <http://old.levada.ru/army.html> (Army // Levada-Centre // <http://old.levada.ru/army.html>).
- Медведев Д.А.* (2009) Россия, вперед! // Газета.ру // http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (*Medvedev D.A.* (2009) Forward, Russia! // *Gazeta.ru* // http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml).
- Тилли Ч.* (2009) Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. М.: Территория будущего (*Tilly Ch.* (2009) *Coercion, Capital, and European States, 1990–1990.* Moscow: Territoriya buduzhego).
- Хоскинг Дж.* (2001) Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск: Русич (*Hosking G.* *Russia: People and Empire, 1552–1917.* Smolensk: Rusich).
- Шейко А.* Страшно в слабой армии // Газета.ру // http://www.gazeta.ru/politics/2011/02/18_a_3531022.shtml (*Sheyko A.* It Is Terrible to Be in a Weak Army // *Gazeta.ru* // http://www.gazeta.ru/politics/2011/02/18_a_3531022.shtml).
- Эйзенштадт Ш.* (2012) Современная глобализация, гегемонии и трансформация национальных государств // Русский Журнал // <http://www.russ.ru/pole/Sovremennaya-globalizaciya-gegemonii-i-transformaciya-nacional-nyh-gosudarstv> (*Eyzenshtadt Sh.* (2012) *Contemporary Globalization, Hegemony and the Transformation of National States* // *Russkyi Zhurnal* // <http://www.russ.ru/pole/Sovremennaya-globalizaciya-gegemonii-i-transformaciya-nacional-nyh-gosudarstv>).